

Мейхох АБДУЛЛАХ

(Продолжение. Начало
в предыдущем номере)

Я рукой оттолкнула голову мужа и почувствовала ее леденящий холод. Сердце защемило, руки мои выги ослабли, я уронила ребенка, и он упал прямо под ноги солдатам. Тогда они выцепились в мое тело, как голодные волки, и стали дергать его в разные стороны, как тушу. Казалось, эти дикари хотят растерзать меня на части. Вдруг машина резко затормозила. Офицер, сидевший внутри, выплинул из кабины:

- Кажется, вы не можете поделить эту бабу? Вас же много, а она одна. Лучше поделите ее ко мне. Не спорьте из-за какой-то шлюхи. К тому же она - кормилица мать. Значит, должна сидеть в перешедшем ряду. Разве вас этому в школе не учили?

Офицер спустил меня с кузова и усадил в кабину рядом с собой. Здесь было тепло, но руки этого изверга всю дорогу шарпили по моему телу, ни на минуту не давая покоя. Мы приехали в какой-то поселок. От перенесенных потрясений и от голода у меня кризисная голова, не было сил выйти из машины. Ребенок же ни на минуту не умолкал и посинел от плача.

Офицер жестом приказал мне сесть. Я не чувствовала ног, и мне казалось, что как только сойду с машины, тут же свалюсь на землю. Я медлила, чтобы мышцы ног немного размялись. Тогда офицер так сильно ударил меня по спине, что я упала на землю лицом вниз вместе с ребенком. Все засмеялись. Меня отвели в какую-то комнатушку в военной казарме. Принесли еду, но я ни к чему не притронулась. Несмотря на голод, есть я не могла. Разве кусок полезет в горло после такого? Тогда солдаты, смеясь, стали захватывать еду мне в рот. Чтобы успокоить ребенка, я подсластила воду и дала ему. Меня била мелкая дрожь и тошнота от голода. Я чувствовала, что терплю расеудок, а сын захлопнулся плачем. Не было сил его успокоить. Странно, я вообще не испытывала к нему никаких чувств, словно окаменела. Просто молча смотрела на него. Малыш вертел головой, сжав руки в кулачки. А я думала о том, что если останусь, прекрасно осознавая, что делаю вину в живых, эти полонки будут надо мной издеваться. Во-первых, потому что я была женой офицера, во-вторых, мой муж убил их солдат. Уж лучше смерть. Но я не знала, как покончить с собой. Может

повеситься? Но как? Я окинула взглядом комнату... Всевавший лишил меня и этой возможности. Где мне было найти веревку, крючок для того, чтобы спелать это и положить конец своим страданиям? Знаешь, оказывается, чтобы повеситься, человеку нужна спокойная обстановка.

К обеду в комнату, напевая под нос какую-то мелодию, зашел офицер, который меня сюда привез. В руках у него был большой сверток с едой. Он разложил на столе какие-то продукты и бутылки. Я сразу поняла, что все это не к добру. Сначала они заставят меня есть и пить, а потом... Аллах знает, что они сделают со мной потом. В намерениях этих полонков не оставалось никаких сомнений. Господи! Что же мне делать? Упасть к ногам этого мерзавца и просить о пощаде? Да разве они пожелают меня? Как бы тяжело ни было, я готова была пожертвовать сыном ради своей чести. Пусть заберут ребенка или даже убьют его... Самое страшное, если они наругаются надо мной...

Закончив с приготовленными, офицер взял меня за руку и усадил за стол, а сам сел напротив. Он плохо говорил на нашем языке и все время ругался

сидя ко мне. Защищаясь, я кинула вторую бутылку. В этот раз она пронеслась над головой полонки, ударила об стену и разбилась вдребезги. Офицер, набросившись на меня, ударил кулаком по голове. В глазах потемнело, и я упала на пол. Он же продолжал безостановочно наносить удары. Мое лицо разбухло и кровотолично. Обессиленная, я лежала на полу. Негодяй, подумал, что я не смогу больше сопротивляться, попытался меня раздеть. Я защищалась, как могла кошками, ногтями распарывала до крови его лицо, ободрава кожу на носу. Капавшая на пол кровь окончательно взбесила его. Он встал и стал избивать меня ногами. От ударов его тяжелых сапог невыносимо болело тело, я не могла даже пошевелиться. А он, как разеный кабан, продолжал меня пинать. На шум бежалось солдаты. Несколько человек столпились у двери. Они смотрели на это побоище как на увлекательный фильм. Наконец мерзавец устал и повернулся к двери. Увидев его окровавленную рожу, солдаты начали смеяться. Офицер подзывал двоих, а остальных разогнал и закрыл дверь изнутри. Не знаю, что он им приказал... Эти двое, скрутив мои руки, крепко прижали к полу. Ребенок про-

я не могу положить на себя руку. Я хотела встать на ноги, но не смогла. Болею все тело - ноги, голова, живот, кости. На мне не было живого места.

Я никак не могла смириться с тем, что произошло, найти себе оправдания. Да, на мне не было вины, но это не оправдывало меня в своих собственных глазах. Человек, попав в тяжелую ситуацию, всегда ищет причину, которая хоть как-то успокоила бы его. А я не могла найти причину, из-за которой была изнасилована. "В чем моя вина?" - мучительно думала я. Сердце разрывалось в груди, когда я думала об убитом муже, вспоминала, как ему отрезали голову. Но ведь Али был офицером, он воювал и тоже убивал врагов. Значит, он был виновен. Поэтому его обезглавили. А в чем же моя вина? Я - беззащитная, слабенькая женщина. Если мне отомстили из-за мужа, то где же тогда гуманность, человечность, справедливость? То, как нарушили нашу мораль, не входило ни в какие рамки. Это жестокость! На это способны только дикари!

Я с трудом поднялась на ноги, но не смогла сделать и шагу. Прислонилась к стене и сползла по ней вниз. Малыш не прекращал кричать. Я слышала его тяжелое дыхание. Приблизился к нему, хотела пожать на руки, но остановилась. Мне казалось, что он оттолкнет меня. Ведь полчаса назад малышка, хоть и был голоден, но отказался взять мою грудь. Значит, я противна ему. Он презреть мой.

- Родной сын брезгует матерью! Ай Аллах! - рыдала я. Я не решалась взять его на руки и прижать к груди, чтобы не испачкать своим запятанным телом это чистое создание. "Как странно повернула жизнь! я пострадала из-за мужа, а мой сын - из-за меня", - думала я. Наконец, пересилив себя, я взяла малыша на руки, положила на стол и распеленала. Он был весь мокрый. Маленькое тельце сильно покраснело. Неудивительно - ведь дома я несколько раз за ночь меняла пеленки. Заменял грязные пеленки на чистые, я прижала было сыночка к груди, чтобы покормить, но тут же отдернула руку: "Нет, я - грязная! С сегодняшнего дня я ни за что не буду кормить его своим молоком", - поклялась я себе.

Взяв со стола бутылку с каким-то сладким напитком, откупорила ее и дала малышу. Я знала, что это может навредить ему, но не видела другого выхода. Мы с сыном должны приходить ко всему - научиться есть камыш, пить змеиный яд. Такова теперь наша участь, участь пленников.

Русланчик успокоился и заснул. Сидя в углу комнаты, я заново переживала события сегодняшнего дня. Смеркалось. А я с детства боялась наступления темноты. Когда я была маленькой, мама говорила, что в это время суток зло вступает в схватку с добром. В такие часы нельзя сидеть в углу комнаты, под деревом и на берегу реки, так как именно в этих местах прячутся злые силы. Как только наступил вечер, она включала дома свет, чтобы злые силы не приближались к нашему порогу.

Вспоминая слова мамы, я начала тихо плакать: "Мама, мамочка. Я сейчас в плену у тех, кто во сто раз страшнее злых сил, о которых ты рассказывала. Они не насыщаются, даже испив кровь человека".

(Продолжение следует)

Перевод Теране МЕММЕД

ПЛЕННИЦА...

(Отрывки из романа)

Основано на реальных событиях

грязными словами. Офицер пытался заставить меня есть, а я пыталась объяснить ему, что не хочу. Он прищипнул свой стул ко мне, обнял за плечи и прижал к себе. Впервые в жизни я так близко почувствовала дыхание чужого мужчины. Ужас был в том, что это было дыхание врага, человека, чьи руки были залпачены кровью моего мужа. А теперь эти руки покусались на мою честь. Я так резко вскочила со стула, что офицер вздрогнул от неожиданности и потянулся к пистолету. Я плакала, пытаясь разжалобить его каменное сердце, упала ему в ноги и готова была целовать сапоги, лишь бы он меня не трогал. Если бы он сжалился надо мной, отказался от грязных намерений, я бы простила ему все - и смерть мужа, и потерю крова. Но этого не случилось. Он взял меня за руку и предложил переспать с ним. Скажешь, что отпустил, если согласишься... Знаешь, по-нашему ему ведь не его боялась. Я боялась потерять свою честь. Если это случится, как мне жить после этого? Как жить душе в обещанном теле? Как?

Когда я отвернулась и твердо сказала "нет", то получила такой удар по лицу, что упала со стула и ударилась об стенку. Тогда я осознала, что такое шлен и поняла, что никто меня не пощадит ни при каких обстоятельствах.

Схватив со стола бутылку, я что было сил швырнула ее в мерзавца. Он прижался к стене. Бутылка попала ему в локоть. Закрыв глаза, он так заорал, словно ему оторвали кусок мяса. Затем бро-

нулся от моего крика и начал плакать. Раскисив гнусный замисел своего обидчика, я со всей силой стала бить его головой об пол и кричать...

Не обращая внимания ни на мои крики, ни на плач ребенка, он сделал свое грязное дело... Затем насильник что-то сказал солдатам и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Потом... мое обессиленное тело, как ненужная вещь, переходило от одного к другому, а я лишь руками закрывала глаза, чтобы не видеть глаз сыночка. Руслан кричал, словно выражая протест против тех, кто посягнул на честь его матери. Не знаю, сколько времени прошло... Оно перестало для меня существовать. Солдаты, наконец, отстали от меня и вышли из комнаты. Я уже не плакала. Чувство страха тоже покинуло меня. А чего мне было бояться? Больше всего я боялась потерять честь, а ее уже растоптали.

С трудом поднявшись с пола, я взяла ребенка и прижала к груди. Хотела покормить, но ребенок отказывался сосать грудь. Как бы долго я ни старалась, все было безуспешно - он только воротил головой. Обезумев, я бросила малыша на пол и закричала: "А что я могла сделать?! Что?!"

Некоторое время я молча смотрела на ребенка, который от постоянного крика уже посинел. Мне было жаль его, но в то же время я не хотела брать его на руки и молила Всевавшего - пусть у него сердце разорвется от плача! Я хотела, чтобы он умер, потому что он мешал моей собственной смерти. Пока он жив,